

Том X 2014

АРИСТЕЙ

ARISTEAS • VOL. X • MMXIV • MOSQVAE

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Журнал носит имя Аристея, греческого поэта VII или VI века до н. э., происходившего из города Проконнеса, который находился на одноименном острове в Мраморном море. По свидетельствам многих античных авторов, и, прежде всего, Геродота, Аристей первым посетил северо-восточную окраину известного тогда мира, т. е. побывал на территории современной Восточной Европы, и написал поэму под названием «Аримаспея», в которой рассказал о живущих там народах. Именно Аристей заложил историографическую традицию помещать севернее Понта Эвксинского (Черного моря) реальных и легендарных скифов и киммерийцев, затем исседонов, аримаспов, грифов и гипербореев, живущих уже на берегу Северного океана. На протяжении многих веков вплоть до Нового времени эти этногеографические представления о Восточной Европе, происходящие от Аристея, оставались доминирующими.

ARISTEAS • VOL. X • MMXIV

Университет Дмитрия Пожарского

☞☞☞☞☞☞☞☞☞☞ VOL. X ☞☞☞☞☞☞☞☞☞☞

PHILOLOGIA CLASSICA ET HISTORIA ANTIQVA

ARISTEAS

Universitas studiorum Dmitrij Požarskij

MOSQVAE

☞☞☞☞☞☞☞☞☞☞ MMXIV ☞☞☞☞☞☞☞☞☞☞

ТОМ X

ВЕСТНИК КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

АРИСТЕЙ

Университет Дмитрия Пожарского
МОСКВА

2014

ISSN: 2220-9050

Журнал издается Университетом Дмитрия Пожарского

Редакционный совет:

Н.В. Брагинская (Москва), А.Ю. Виноградов (Москва), А.В. Коптев (Хельсинки), А.Е. Кузнецов (Москва), К.Г. Красухин (Москва), В.Ф. Новодранова (Москва), С.Ю. Сапрыкин (Москва), О.В. Сидорович (Москва), И.Е. Суриков (Москва), Г.Р. Цецхладзе (Мельбурн), Ю.А. Шичалин (Москва), Михаэль фон Альбрехт (Гейдельберг)

Editorial council:

Nina Braginskaya (Moscow), Andrey Vinogradov (Moscow), Alexander Koptev (Helsinki), Alexander Kuznetsov (Moscow), Konstantin Krasukhin (Moscow), Valentina Novodranova (Moscow), Sergey Saprykin (Moscow), Olga Sidorovitch (Moscow), Igor Surikov (Moscow), Gocha Tsetskhladze (Melbourne), Yuri Shichalin (Moscow), Michael von Albrecht (Heidelberg)

Редакционная коллегия:

А.В. Подосинов (главный редактор), А.С. Егоров (заместитель главного редактора), С.А. Степанцов (заместитель главного редактора), И.А. Макаров, А.В. Мосолкин, В.В. Файер, А.В. Белоусов (ответственный секретарь)

Editorial Board:

Alexander Podossinov (Editor-in-Chief), Alexander Yegorov (assistant Editor-in-Chief), Sergey Stepantsov (assistant Editor-in-Chief), Igor Makarov, Alexey Mosolkin, Vladimir Fayer, Alexey Belousov (executive secretary)

На первой странице обложки – *Посейдон, сражающийся с Полиботом*. Аттический краснофигурный килик, ок. 475–470 гг. до н. э. из Вульчи (Этрурия). Cabinet des Médailles, Paris.

Сайт: www.s-end-e.ru/aristeas

E-mail: aristeas.classics@gmail.com

Информационная поддержка: www.librarius.narod.ru

LECTORI BENEVOLO SALUTEM!

Я рад представить сегодня читателю 10-й, можно сказать, юбилейный, том нашего журнала. Конечно, для настоящего юбилея надо дожидаться, по крайней мере, 50-го тома, который, если все будет удачно развиваться, увидит свет в 2039 году, вот тогда поспрадуем в полную силу. А сейчас хочется вспомнить 2010 год, когда появился I том «Аристеев». В Предисловии к этому тому я писал о целях и задачах, которые ставил перед собой редакторский коллектив, основавший новый журнал, о единстве филологии и истории, которое, на наш взгляд, единственно возможно в антиковедческих штудиях, о поддержке публикаций молодых ученых и др. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что направление было избрано правильно и журнал приобрел репутацию солидного и профессионального издания. Глядя на «Содержание I–X томов “Аристеев”», опубликованное в конце этого номера, обнаруживаешь там вперемешку и имена наших выдающихся ученых, и малоизвестные имена начинающих антиковедов, у которых впереди, я надеюсь, большое будущее. Разнообразие тем, проблем, жанров, даже объемов перечисленных там статей также отражает желание редколлегии публиковать труды по широкому спектру нашей *Altertumswissenschaft*.

За этими десятью томами стоит тяжелый, бескорыстный труд горстки энтузиастов, взявшихся издавать журнал. Инициаторами создания «Аристеев» выступили молодые филологи-классики А.В. Белоусов, ставший ответственным секретарем журнала, А.С. Егоров – зам. главного редактора, к ним с готовностью присоединились филологи и историки С.А. Степанцов – зам. главного редактора, В.В. Файер, А.В. Мосолкин, И.А. Макаров, Д.О. Торшилов – члены редколлегии. Этим моим коллегам, много делающим для поиска авторов, рецензирования и научного редактирования материалов и по другим журнальным делам, я приношу глубокую благодарность!

Члены Редакционного совета также постоянно помогают нам в выработке журнальной политики, в вопросах улучшения качества нашего издания. Им – наше искреннее уважение и признательность! Много делают для высокого качества журнала его дизайнер и верстальщик А.В. Белоусова и редактор издательства И.В. Подосинова – да будут у них силы продолжать свою нелегкую работу!

Радует, что вокруг журнала сложился круг авторов, постоянно, почти из номера в номер, помещающих у нас свои материалы. И конечно, мы хотели бы поблагодарить наших читателей, которые проявляют внимание к публикуемым в «Аристеев» работам. Об этом внимании свидетельствуют отзывы читателей, частота цитирования наших авторов в различных антиковедческих изданиях и высокий (относительно!) тираж журнала.

Успешно идет также работа по изданию монографий молодых ученых в качестве Приложения к «Аристеев». Уже вышло пять томов с книгами Е.Л. Ермолаевой,

Ю.Н. Кузьмина, А.И. Щетникова, С.В. Смирнова, В.В. Файера. Тематика монографий отражает историко-филологическое направление журнала: диапазон исследований – от филологических штудий, связанных с Гомером, до исследования социально-политических реалий эллинистических монархий (список монографий см. в разделе «Содержание I–X томов “Аристея”»). Эту публикационную деятельность мы намерены продолжать и далее.

Настоящий, 10-й, том «Аристея» (его непомерный объем связан с желанием авторов поучаствовать в юбилее журнала) содержит почти все рубрики, ставшие у нас традиционными. Открывается он латинской статьей, которую написал один из лучших латинистов страны, преподаватель кафедры классической филологии МГУ А.Е. Кузнецов. Далее публикуются статьи, написанные французским исследователем Жераром Журне, петербургскими коллегами С.И. Межеричкой и Д.А. Щегловым, а также московским исследователем М.В. Шумилиным. Темы их статей самые различные – философские, литературоведческие, географические, грамматические. Я назвал их местожительство неспроста – мы ставили своей задачей сделать журнал не только московским, но и всероссийским и международным, и, кажется, это удастся (еще один автор нашего тома из Украины – М.В. Скржинская).

Я не буду перечислять всех авторов этого тома и названия их работ – читатель легко найдет их данные уже на следующей странице. Скажу только, что здесь нашлось место и для статей по материалам конференции об Апулее (Apuleiana), и «Путешествиям в неизвестную античность», и публикациям новых переводов античных авторов и эпиграфических документов, и коротким сообщениям (Miscellanea), и рецензиям, и хронике, и персоналиям, ну и, конечно, – разделу «Классические языки в России», показывающему роль античного наследия в отечественной культуре. Надеюсь, что все материалы этого тома найдут своего благодарного читателя.

В заключение хочу выразить надежду, что наш журнал и впредь будет верно служить делу укрепления антиковедческих штудий и классического образования в нашей стране. Vivat, crescat, floreat, как сказали бы римляне!

Москва, октябрь 2014 года

А.В. Подосинов
Главный редактор журнала

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	5
СОДЕРЖАНИЕ.....	7
CONTENTS	10
ЛАТЫНЬ СЕГОДНЯ	
<i>Alexander Eugenii f. Fabricius (qui et Kusnezov)</i> De Friderici Volgangi Reizii studiis metricis	13
СТАТЬИ	
<i>Gérard Journée</i> Diogène d'Apollonie et Diogène de Smyrne au sein des lignées philosophiques	29
<i>С.И. Межерницкая</i> О жанре монодии в древнегреческой ораторской прозе	61
<i>Д.А. Щеглов</i> Предыстория географии Птолемея	82
<i>М.В. Шумилин</i> Метрические argumenta Лукана: по следам грамматических традиций	132
APULEIANA	
<i>Т.А. Михайлова (Смирнова)</i> Метаморфозы Души, или к вопросу о роли вставной новеллы	151
<i>П.Н. Лебедев</i> Был ли союз Купидона и Психеи matrimonium iustum: представления римлян о браке в «Метаморфозах» Апулея	159
ПУТЕШЕСТВИЯ В НЕИЗВЕСТНУЮ АНТИЧНОСТЬ	
<i>Е.В. Приходько</i> Адады – древний город центральной Писидии	181
ПУБЛИКАЦИИ	
<i>Вергилий</i> Георгики. Книга I (перевод Е.С. Иванюк)	220

<i>Кальпурний</i> II и III букколики (подготовил А.В. Подосинов)	248
<i>Марциан Капелла</i> «Бракосочетание Филологии и Меркурия». Книга седьмая («Об арифметике») (перевод и вступительная статья Ю.А. Шахова)	258
<i>И.А. Макаров</i> Херсонесский декрет в честь Ксенона, сына Тимофея	292
<i>С.Ю. Сапрыкин</i> Новое письмо на свинце из Феодосии	308
EPIGRAPHICA PONTICA	
<i>А.В. Белоусов</i> Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2013 г.	317
MISCELLANEA	
<i>М.В. Скржинская</i> Несколько замечаний к пониманию и переводу текста херсонесской исторической новеллы о Гикийи	342
<i>А.В. Подосинов</i> О связи Азовского моря с Северным океаном и Черным морем в античной географии	345
<i>Н.В. Драчёва</i> К вопросу об одной конъектуре в трактате Марка Теренция Варрона «De lingua Latina» (VIII, 9)	351
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Е.Ю. Чепель</i> Рецензия на книгу: Rutherford I. State Pilgrims and Sacred Observers in Ancient Greece. A Study of Theōriā and Theōroi. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, xxvii, 534 pp., ill., maps.	354
<i>Л.С. Клейн</i> Пятый элемент. Гадания об астрономии и хронологии Гомеровского эпоса (рецензия на работу проф. Ю.Л. Мосенкиса)	361
ХРОНИКА	
<i>О.Л. Габелко</i> Некоторые тенденции в изучении истории древних кельтов (по материалам двух недавних конференций)	365

<i>Е.В.Илюшечкина, Даниела Клейне Бурхофф</i> Международная конференция «Между вымыслом и реальностью: Север в литературных источниках от античности до эпохи Возрождения» (Берлин, 9–11 апреля 2014)	389
<i>Н.Е. Самохвалова</i> О работе Шестой Летней школы по изучению древних языков и античной культуры (1–10 августа 2014 г.)	400
PERSONALIA	
60 лет Кристиану Милете (Ю.Н. Кузьмин, О.Л. Габелко)	406
Приложение: Классические языки в России	
<i>В.П. Завьялова.</i> Каллимах: ошибки первого перевода	409
<i>Н.С. Алмазова</i> <i>Justum et tenacem propositu virum ...</i> Два письма на латинском языке из бумаг профессора римской словесности Д.И. Нагуевского	418
Содержание I–X томов Аристеев	428
Сокращения	438
Наши авторы	440
Правила оформления присылаемых статей	442

CONTENTS

Foreword of Editor-in-Chief	5
CONTENTS	10
LATIN TODAY	
<i>Alexander Eugenii f. Fabricius (qui et Kusnezov)</i> De Friderici Volgangi Reizii studiis metricis	13
ARTICLES	
<i>Gérard Journée</i> Diogène d'Apollonie et Diogène de Smyrne au sein des lignées philosophiques	29
<i>S.I. Mezheritskaya</i> The genre of monody in the ancient Greek declamatory	61
<i>D.A. Shcheglov</i> The prehistory of Ptolemy's Geography	82
<i>M.V. Shumilin.</i> The metrical argumenta of Lucan: on searching grammatical traditions (Part III. <i>Argumentum Audomarianum. Dodecasticha Cortiana.</i> <i>Monosticha Cortiana. Comparatio argumentorum</i>).	132
APULEIANA	
<i>T.A. Mikhailova (Smirnova)</i> Metamorphoses of a Soul, or Reconsidering the Function of an In-set Tale	151
<i>P.N. Lebedev</i> Can we see the union of Cupid and Psyche as <i>matrimonium iustum</i>: Roman view of marriage in Apuleius's <i>Metamorphoses</i>	159
TRAVELS IN THE UNKNOWN ANTIQUITY	
<i>E.V. Prikhodko</i> Adada – the ancient city of the central Pisidia	181

PUBLICATIONS

Vergilii Georgica. Liber I / Traduxit E.S. Ivanchuk 220

Titi Calpurnii Siculi Eclogae II–III / Curavit A.V. Podossinov 248

Martiani Capellae De nuptiis Philologiae et Mercurii. Liber VII (De arithmetica) /
Traduxit et prolegomenis instruxit J.A. Shachov 258

I.A. Makarov

A decree in honour of Xenon, son of Timotheos, from Tauric Chersonesos 292

S.Yu. Saprykin

A new letter on lead from Theodosia 308

EPIGRAPHICA PONTICA

A.V. Belousov

The Greek and Latin Inscriptions of Ancient North Black Sea Region. 2013. 317

MISCELLANEA

M.V. Skrzhinskaja

**Some notes to the understanding and translation of the text
of Chersones historical novel about Gykia** 342

A.V. Podossinov

**To the connection of the Sea of Azov with the Northern ocean
and the Black Sea in the ancient geography** 345

N.V. Dracheva

**To the question on a conjecture in the treatise of Marcus Terentius Varro
«De lingua Latina» (VIII, 9)** 351

REVIEWS

E.Ju. Chepel

**Review: Rutherford I. State Pilgrims and Sacred Observers in Ancient Greece.
A Study of Theōriā and Theōroi. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.** . . . 354

**Leo S. Klein. The fifth element. Guesswork about the astronomy and chronology
of the Homeric epos (review of the work of Prof. Ju.L. Mosenkis)** 361

CHRONICLE

O.L. Gabelko

**Some tendencies in the study of the history of ancient Celts
(on materials of two recent conferencies)** 365

E.V. Iljushechkina, Daniela kleine Burhoff

**International conference «Zwischen Fiktion und Realität:
Die literarischen Darstellungen des Norden von der Antike bis zur Renaissance»
(Berlin, 09.04–11.04.2014)** 389

N.E. Samokhvalova

Sixth Summer School on Classics (1–10 August 2014) 400

PERSONALIA

To the 60-year anniversary of Christian Mileta

(Ju.N. Kuz'min, O.L. Gabelko) 406

SUPPLEMENT. CLASSIC LANGUAGES IN RUSSIA

V.P. Zavjalova

Callimachos: the errors of the first Russian translation 409

N.S. Almazova

***Justum et tenacem propositu virum...* Two Latin Letter from the Papers
of the Professor of Roman Philology Dariusz Nagewski** 418

CONTENTS OF THE VOLUMES I–X OF «ARISTEAS» 428

ABBREVIATIONS 438

OUR AUTHORS 440

INFORMATION FOR AUTHORS 442

О.Л. Габелко

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ КЕЛЬТОВ (По материалам двух недавних конференций)

В последние десятилетия в мировой науке наблюдается активизация изучения самых различных аспектов истории и культуры древних кельтов, проявляющаяся как в выходе в свет большого числа новых исследований, так и в появлении и оформлении теоретических подходов, претендующих на нетрадиционную трактовку тех или иных исторических феноменов, связанных с древнекельтской цивилизацией. Среди последних следует упомянуть, к примеру, попытки локализовать прародину кельтов не в Центральной Европе, а в «Атлантической зоне»¹ и даже много более масштабную ревизию существующих в кельтологии концепций, направленную, по сути, на полную «деконструкцию» в постмодернистском духе древних кельтов как языковой, этнической, археологической и культурной общности – так называемый «кельтоскептицизм»². Все вышесказанное обосновывает актуальность организации и проведения тематических конференций по древнекельтской проблематике, которые дают возможность обозначить «болевы точки» на современном исследовательском поле и наметить пути их преодоления. О двух мероприятиях такого рода и пойдет речь в данной работе.

* * *

29–30 марта 2013 г. в Российском государственном гуманитарном университете состоялась международная научная конференция «Кельты и античный мир: от Ирландии до Малой Азии. История, археология, филология, лингвистика». Она была организована кафедрой истории древнего мира Института восточных культур и античности и представляла собой пятое мероприятие в

---

¹ См. критическую рецензию: Фалилеев 2012.

² Можно упомянуть две весьма показательные работы, воинствующий кельтоскептицизм которых отражен даже в их названиях: Džino 2007 (2008); Campbell 2009. См. обзор дискуссионных вопросов с обоснованной и аргументированной критикой крайних позиций: Rodway 2010.

ряду ставших традиционными «Миусских античных посиделок» – регулярно (начиная с 2009 г.) проводимых в РГГУ тематических конференций небольшого формата, посвященных тем или иным актуальным проблемам истории древности. К участию в нынешней конференции были приглашены исследователи из четырех городов России, а также Украины, Белоруссии, Великобритании и Канады – как антиковеды, так и кельтологи, специалисты в различных областях истории, археологии, лингвистики и филологии.

Участникам и гостям конференции до ее начала были предложены вопросы для обсуждения:

Современные исследовательские подходы и методы в кельтологии и антиковедении: сочетаемость, взаимодополняемость и противоречия.

Источниковая база для изучения взаимоотношений кельтов и античной цивилизации: трудности и перспективы междисциплинарности.

«Кельтская цивилизация», «кельтская общность», «кельтскость»: актуальность и проблемность дефиниций.

Формы и варианты политического, экономического, культурного взаимодействия кельтов и греко-римского мира. Всегда конфликт цивилизаций – или...?

Контакты и взаимодействия кельтов с варварскими этносами на периферии античного мира: политика, экономика, культура, этничность.

«Эллинизация», «романизация», «кельтизация»: историографические конструкты и/или историческая реальность.

Восприятие кельтов/галлов/галатов их современниками в письменной традиции, иконографии и др.

С приветственным словом к участникам конференции обратились зам. директора ИВКА *Н.П. Гринцер* и зав. кафедрой истории древнего мира Института восточных культур и античности *П.П. Шкаренков*.

Во вводном выступлении «Антиковедение и кельтология: “враждебные дисциплины”?» *О.Л. Габелко* (Москва) и *Т.А. Михайлова* (Москва), частично затронув перечисленные выше дискуссионные вопросы, остановились на наиболее актуальных проблемах, общих для названных отраслей гуманитарного знания. Докладчики сошлись во мнении, что, несмотря на исторически сложившиеся различия в подходах и методах, точек соприкосновения у кельтологических и антиковедческих исследований все-таки существенно больше, нежели противоречий. В частности, объединяет их и изначально присущий им комплексный анализ источников различных категорий (исторических и литературных сочинений древних, данных археологии и эпиграфики, монет, лингвистического материала), так что для названных дисциплин пресловутый

Рис. 1
Эмблема конференции

междисциплинарный подход отнюдь не является изобретением последних десятилетий³. Данное обстоятельство оставляет за исследованием различных аспектов и вариантов взаимоотношений между античной цивилизацией и кельтским миром довольно богатые перспективы.

Всего было заслушано 10 докладов, разделенных на четыре секции сообразно хронологическому и географическому принципам (которые, по замыслу организаторов, были отражены в эмблеме конференции; рис. 1)⁴. Открыла работу секция, посвященная истории

малоазийских галатов и их связям с эллинистической цивилизацией.

О.Л. Габелко в докладе «Вифиния и галаты» рассмотрел основные события во взаимоотношениях переселившихся в Анатолию кельтов и Вифинского царства. Информация о таких контактах приходится на время правления Никомеда I (279 – ок. 255 гг. до н. э.), Зиэла (240-е – ок. 230 гг. до н. э.), Пруссия I (ок. 230 – ок. 182 гг. до н. э.), Пруссия II (ок. 182–149 гг. до н. э.). Были рассмотрены наиболее яркие эпизоды переправы галатов в Азию Никомедом I в 278 г. до н. э., использования их вифинскими царями в качестве наемников и пр. Особое внимание докладчика привлекли восемь опубликованных по большей части относительно недавно надгробных стел из Вифинии со сценами «галатоматии». По его мнению, изображения кельтов на них не только носят вполне реалистический характер (внешность, вооружение [прежде всего, овальный щит-фирей], иногда – «героическая нагота» и наличие торквеса), но и представляют ценнейшую информацию о конкретных исторических событиях: захвате гре-

³ См. критику гипертрофированной междисциплинарности в кельтологии: Фалилеев 2012: 172.

⁴ Идею автора этих строк отобразил в эмблеме казанский художник Илья Репин. Четыре «портрета», вписанных в круг и разделенных кельтским крестом, – это изображение из храма Сулис/Минервы в Бате (римская Британия), скульптура из Гарансьер-ан-Бос (центральная Франция), бронзовая «маска» из с. Пекари (Украина, Черкасская обл.) и изображение галатского аристократа на золотой пряжке из погребения в тумулусе в Хидыршилар (Турция, округа г. Болу). Здесь также содержится аллюзия на широкое распространение в кельтском мире культа отрубленной головы.

ческих полисов Киоса и Мирлеи в кон. III в. до н. э. Прусием I с помощью галатских наемников, а также практически не отраженных в письменных источниках каких-то конфликтах Вифинии с галатами. В царствование Прусия II, по мере свертывания военно-политической активности Вифинии в условиях усиления римского влияния на Востоке, галаты становятся одной из сил, на которые Прусий делал ставку в ходе своих антипергамских дипломатических акций. Наконец, отдельный интерес представляет интерпретация личных имен возможного кельтского происхождения, обнаруженных в надписях, на монетах и амфорных клеймах, территориально связанных с Вифинией.

Доклад *А. Чошкуна* (Уотерлу, Канада) назывался «Латенские артефакты и локализация кельтских поселений в эллинистической Малой Азии: пессимистический обзор». Автор подверг системному анализу основные категории археологических объектов, которые традиционно связываются с галатами Малой Азии: так называемую галатскую тонкостенную керамику, погребения погребения в гробницах-тумулусах, металлические изделия, связываемые с латенской культурой (фибулы, украшения и пр.). По мнению докладчика, эти данные, вопреки общему мнению, ни в коей мере не могут свидетельствовать о формировании и сохранении галатами собственной этнокультурной идентичности на уровне материальной культуры. Дело в том, что «галатская» керамика распространена только в Гордионе и к востоку от р. Галис, то есть на территориях, которые, как показывают новейшие исследования, стали областями расселения галатов достаточно поздно, ок. 100 г. до н. э.; она появляется уже в IV в. до н. э., и потому ее не следует связывать с галатами, а нужно именовать «эллинистическо-фригийской» или «эллинистическо-понтийской». Галатские погребения в тумулусах (Хидыршихлар возле Клавдиополя/Болу, Блукий/Каралар, Гордион и Богазкей) не имеют аналогий у кельтов Европы и, напротив, широко распространены в самых различных регионах Малой Азии – по преимуществу тех, где присутствие кельтов не зафиксировано. Наконец, из 20 обнаруженных в Малой Азии латенских фибул лишь две с некоторой вероятностью могут быть связаны с Галатией, а ювелирные изделия из Хидыршихлар, Блукия и Гордиона слишком немногочисленны, чтобы их можно было с уверенностью атрибутировать именно малоазийским галатам. По мнению *А. Чошкуна*, многие элементы латенской культуры могли быть принесены в Анатолию не трокмами, толитобогиями и тектосагами в 278 г. до н. э., а галатскими наемниками из Фракии, нанимавшимися Атталидами, Селевкидами либо Митридаидами в более позднее время.

Е.В. Смыков (Саратов) представил доклад «Галатия в I в. до н. э.: этническая территория – государство – провинция». Он отметил, что в I в. до н. э. Галатия оказалась в совершенно исключительном положении. До сих пор ее территория представляла собой своеобразный племенной анклав в мире эл-

линистических царств, чужеродный и по языку, и по культуре, и по уровню развития. На протяжении этого столетия она прошла путь от этнической территории с традиционным делением на три племена до единого царства – и затем навсегда утратила свою государственную самостоятельность. Связано это с потрясениями времени Митридатовых войн, когда была уничтожена значительная часть традиционной галатской элиты; Дейотар, тетрарх толистобогиев, смог воспользоваться этим. Формирование государства Дейотара, пожалуй, не имеет прецедентов в эллинистическом мире: типологически оно ближе к складыванию раннефеодальных государств Европы или централизованных государств в эпоху позднего Средневековья (однородная этническая среда, раздробленная на ряд традиционно независимых образований; наличие нескольких претендентов на единовластие; ожесточенная борьба между ними; значительное влияние на политические процессы личных качеств объединителя). При этом внутренние процессы в Галатии осложнялись активной ролью в регионе внешней силы – Римской державы. В итоге Дейотару к концу жизни удалось объединить под своей властью всю территорию Галатии и закрепить за собой царский титул. Однако существование государства оказалось недолгим: в середине 20-х гг. I в. до н. э., после смерти царя Аминты, Август обратил Галатию в провинцию. Причину этого, скорее всего, следует видеть в том, что новообразованное государство не было достаточно сильным, чтобы обеспечить стабильность в Малой Азии, а рисковать безопасностью этого стратегически важного региона в условиях неурегулированных римско-парфянских отношений принцепс не хотел.

В двух последующих выступлениях рассматривались проблемы этнокультурных контактов с участием кельтов на Балканах и, шире, в Восточной Европе и Барбарикуме в целом. *Г.М. Казакевич* (Киев) в докладе «Культурные контакты в балтийско-причерноморском регионе и проблема Гундеструпского котла» отметил, что обнаруженный в 1898 г. в болоте Ревемёзе близ с. Гундеструп ритуальный котел является одним из самых узнаваемых символов «кельтской цивилизации», однако вопрос о его происхождении до сих пор остается дискуссионным. В настоящее время наибольшее распространение получила балканская теория происхождения котла, в пользу которой свидетельствует использование характерных для Юго-Восточной Европы технологических приемов обработки серебра, а также сильнейшее влияние на иконографию памятника со стороны фракийского и эллинистического искусства. С другой стороны, широкое распространение котла как типа ритуального сосуда на западе европейского Барбарикума, а также установленный последними исследованиями факт использования при изготовлении памятника серебра и олова западноевропейского происхождения ставят под сомнение данную концепцию. По мнению автора доклада, информация письменных источников об исключительной роли котла

в религиозных представлениях кимвров, а также находка на территории Дании при сходных обстоятельствах типологически близкого ритуального котла из Ринкебю свидетельствуют о том, что создатели данного памятника учитывали вкусы и потребности именно тех людей, которые спрятали его в болотах Химмерланда. Следовательно, место изготовления Гундеструпского котла следует искать в области латенизированных культур на севере Европы, куда влияние балканских и восточноевропейских традиций вместе с их носителями (квалифицированными ремесленниками) могло проникать по маршруту Подунавье – Приднестровье – бассейн Вислы – Ютландия. На рубеже эр по данному коммуникационному коридору осуществлялся обмен престижными и ритуальными предметами, а также идеями и технологическими решениями, лежавшими в их основе. Его существование реконструируется на основе информации Клавдия Птолемея и Плиния Старшего, а также анализа ряда археологических находок (торквесы типа Хавор, восточнокельтские шлемы, ножны в стиле «opus interasile»), синхронных времени создания Гундеструпского котла и имеющих параллели в его иконографии.

А.И. Фалилеев (Санкт-Петербург – Аберестуит, Уэльс) выступил с докладом «Кельтское языкознание и античные Балканы». В нем были подведены итоги многолетнего изучения кельтских лингвистических данных этого региона, представленных личными именами и географическими названиями, известными по трудам античных авторов и эпиграфике. Их большая часть знакома и по другим регионам (ср. *Bononia* или *Noviodunum*), однако многие из них не имеют точных соответствий на кельтском западе, хотя составляющие части этих антропонимов и топонимов и известны в галльском (например, топонимы *Lucunanta* и *Remetodia* на территории совр. Болгарии). Зафиксированное только в Греции личное имя *Ambicatos*, помимо надежной кельтской этимологии, имеет точную параллель в ирл. *Imchad*, огам. [A]mb[i]catos. В докладе отмечалась необходимость филологического подхода к анализу этих данных, что позволило исключить из обсуждения такие «ghost-forms», как антропоним *Catubea* и топоним *Octabon*. Во второй части доклада было продемонстрировано, как изучение кельтской топонимики Восточной Европы в увязке с историческими наблюдениями и данными археологии может способствовать установлению и уточнению территорий анклавов, на которых проживали носители древнекельтских диалектов в античности. В третьей части выступления речь шла о перспективах исследования. Автор обратил внимание на несколько регионов западных Балкан и центральной Европы, где подобное исследование могло бы быть весьма продуктивно. В частности, было вновь предложено вернуться к «кельто-яподской» проблематике в связи с недавней попыткой некоторых исследователей увидеть на территории яподов кельтские топонимы. В докладе было показано, что галльский подход к их интерпретации является неоправ-

данным, и это соответствует выводам историков и археологов по поводу «этнического» состава яподов. Для кельтского же языкознания более интересными и важными являются данные с т. н. «южно-паннонских» территорий.

Секция, посвященная взаимоотношениям римлян и кельтов на территории Галлии, была представлена также двумя докладами. С.А. Доманина (Нижний Новгород) выступила с докладом «Религиозно-политические процессы в Галлии в период принципата». Она отметила, что во всей галльской культуре в результате процесса романизации произошли очень глубокие изменения, но это не было полной ассимиляцией с утратой национальных корней и приоритетов. Во всяком случае, в сфере религии произошло, по словам Ж. Кулона, «настоящее взаимопроникновение... между галльской и римской цивилизациями». Прямые действия римской администрации в религиозной области ограничивались отменой человеческих жертвоприношений, введением культа императора (и связанного с ним культа Ромы) и уничтожением друидизма. Однако и это делалось постепенно (кроме искоренения человеческих жертвоприношений, которые с точки зрения римского права были обыкновенным убийством и подлежали немедленному наказанию). Традиционная галльская религия (но не друидизм!) в своих внешних проявлениях была весьма похожа на римскую. Хотя глубокие расхождения в ментальности кельтов и римлян не могли сделать метод *interpretatio Romana* всеобъемлющим фактором ассимиляции, вплоть до смерти Траяна этот подход, принятый на вооружение Римом, позволял успешно решать задачу удержания галльских племен от противодействия имперской власти и сам в определенной мере (как и культ императора) являлся фактором обеспечения политической лояльности. Провал экспансионистской политики Рима и нарастающая германская опасность заставили Империю искать иные средства, способные изменить доминанту самоидентификации покоренных народов. Крупнейшей религиозной акцией, направленной на сохранение единства Империи через сближение римского и провинциального обществ путем унификации религии, стало учреждение в самом Риме культа Ромы, который был до этого чисто провинциальным. Скорее всего, эти же причины обусловили и попытку подстегнуть политическим усилием процесс синтеза галльской и римской религий, основным элементом которой можно считать развернувшееся при Марке Аврелии массовое строительство в Галлии колонн со статуей бога-всадника на ангвипеде, которые, видимо, должны были выражать принцип единства галлов и римлян перед лицом варварского мира.

Тема доклада Ю.В. Куликовой (Москва) была обозначена как «“Кельтское возрождение” в Галльской империи?». Автор отметила, что к середине III в. н. э. значительная часть населения империи склонна была видеть корень всех бед в отступлении от старых обычаев, и кризис способствовал возврату к прежним традициям. Термин «кельтский ренессанс», предложенный А. Аль-

фэльд и поддержанный Р. Макмалленом, применяется к периоду существования «Галльской империи» (260–274 гг.), когда кельтская культура, стряхнув оковы римского владычества, будто бы воспрянула духом и стала жить собственной жизнью. Тем не менее, не стоит думать, что кельтская культура возродилась из небытия. А. Гренье на археологическом материале убедительно доказал, что она не погибла после римского завоевания Галлии, а сохранялась среди сельского населения, менее романизированного, чем знать. Наиболее ярко кельтские традиции проявлялись в обычаях, религии, языке и искусстве. Скорее всего, правильнее говорить о новом этапе развития романизированной кельтской культуры. «Кельтское возрождение» нельзя полностью рассматривать как результат кризиса III в. и разрушения имперской традиции в экономической, политической и культурной областях. Если принять точку зрения ряда исследователей, то разрыв устоявшихся экономических и политических связей центра с провинциями произошел еще в конце II в. Галлия, Испания и обе Германии с началом кризиса вынуждены были перестраивать внутренние и внешние политические, социально-экономические и культурные взаимоотношения. Феномен «кельтского возрождения» может быть объяснен тремя взаимосвязанными факторами. Во-первых, его могли породить контакты с родственными и схожими по своей культуре регионами, расположенными еще дальше от Рима и поэтому менее романизированными; во-вторых, сказался экономический упадок; и, наконец, необходимо учитывать сам факт создания «Галльской империи», которая ограничила контакты с Римом и римской культурой. При этом нельзя говорить применительно к «Галльской империи» и о каком-либо особом «национализме»: речь может идти только о таком явлении, которое названо в зарубежной литературе «регионализмом». Римское влияние уже основательно проникло во все политические, экономические и социальные направления жизнедеятельности этого региона и заняло ведущую позицию. В создании «Галльской империи» превалирует политический, а не экономический импульс, который и должен был бы явиться базой для «кельтского возрождения». Оживление кельтской культуры и традиций, безусловно, имело место, но это «возрождение» в значительной степени было чисто внешним: ведь основа кельтской духовности лежала в религиозной организации друидов, которая была разрушена намного раньше. «Кельтское возрождение» показало, что местная культура в период независимости Галлии от Рима стремилась избавиться от римских наслоений, но уже не смогла этого сделать, и принципиальный возврат к старому оказался невозможным.

В ходе работы «островной» секции, посвященной различным аспектам истории Британии и Ирландии, выступили три участника. *А.Е. Барышников* (Калуга) в докладе «Римляне и бритты: проблемы взаимоотношений в I–II вв. н. э.» рассмотрел некоторые вопросы, связанные с историей романо-бри-

танских взаимоотношений накануне римского завоевания и в первые полтора столетия существования провинции, а также их трактовкой в историографии. В XIX в. римляне рассматривались как цивилизованные повелители острова, жившие в городах и виллах, а бритты считались диким населением, попавшим в зависимость. С начала XX в. в науке стала чрезвычайно популярной идея «романизации», сформулированная Ф. Хэверфилдом. Согласно этой концепции, цивилизованные римляне воздействовали на примитивных бриттов, и римская культура активно влияла на местную, «романизовала» ее. Подобные взгляды на отношения римлян и бриттов в современной историографии подвергаются активному пересмотру, доходящему порой до крайностей, – отказа от термина «романизация» и скептического отношения к возможности взаимовлияния римских и бриттских культурных традиций. В центр внимания докладчика были помещены два аспекта романо-британских отношений I–II вв. (анализируемых, прежде всего, на материале юго-восточных областей острова): контакты представителей бриттской элиты с Империей, а также соотношение и взаимодействие римского и туземного субстратов в возникновении и развитии городов провинции. Совокупность нумизматических (монеты царей южной и восточной династий), вещественных (инвентарь погребений в Лексдене, Стэнвее, Фолли Лейн), эпиграфических (надпись Тогидубна) источников вкупе с сообщениями античной традиции подтверждают мысль о том, что элиты бриттских племен были втянуты в отношения с Римом еще до вторжения Клавдия. Факт романизации представителей племенных элит не может быть оспорен, однако стоит иметь в виду, что пристрастие к элементам имперской материальной культуры отнюдь не означает проримской политической ориентации – в этом плане отношения элит с Римом были нестабильными. В то же время особенности развития городов Римской Британии в I–II вв. позволяют сделать предположение, что в их жизни бритты играли бóльшую роль, чем принято считать. Связь крупнейших городских центров (Каллевы, Камулодуна, Веруламия) с традиционными культовыми центрами доримского времени, сохранение ряда своеобразных бытовых обычаев железного века в римскую эпоху, малочисленность и специфическое содержание эпиграфических материалов указывают на преобладание бриттского субстрата даже в городах.

Доклад *О.И. Малюгина* (Минск) «Кельтское возрождение в позднеримской Британии» был посвящен активизации кельтских традиций в искусстве и религиозной жизни британских провинций Римской империи во второй половине IV в. В данный период, после стремительного поначалу распространения на острове новой веры – христианства – отмечается его упадок. В религиозной сфере наблюдается возрождение интереса к традиционным местным культам, происходят реставрация старых и строительство новых храмов. Сходные тенденции отмечаются и в сфере искусства. В современной историографии при-

чины этого «кельтского возрождения» трактуются по-разному: оно объясняется воздействием либо внешних, либо внутренних факторов развития. В целом проблема «кельтского возрождения» оказывается тесно связанной с нерешенным вопросом о степени романизации Римской Британии. Те из исследователей, кто считает ее значительной, склонны рассматривать «возрождение» как проявление действия внешних факторов. Напротив, ученые, подвергающие сомнению романизованность бриттов, выводят этот процесс из внутренних тенденций развития Британии либо вовсе отрицают справедливость применения данного термина к позднеримской Британии. Наиболее логичным представляется говорить скорее не о «возрождении» кельтского искусства и религии в IV в., а о сохранении этих традиций на протяжении долгого периода римского господства. Ослабление же римского влияния на острове и противостояние распространению новой веры стали катализатором тех тенденций, которые и обозначаются в современной литературе как «кельтское возрождение».

Тема рецепции античного культурного наследия в средневековой Европе в целом и в Ирландии в частности была поднята в докладе *Т.А. Михайловой* «Гомеровские сюжеты в средневековой Ирландии». Список античных сюжетов, которые были популярны в Европе в Средние века, очень не велик – это предания об Александре, переложения «Фиваиды» Стация, «Фарсалии» Лукана, «Энеиды» Вергилия и, конечно же, рассказ о падении Трои. К сожалению, в обобщающих работах по данной тематике кельтский материал, как правило, не учитывается, в то время как именно он часто оказывается наиболее ранним. Так, например, ирландская сага «Взятие Трои» датируется уже началом X в. Докладчица остановилась более подробно на истории появления ирландской версии «Илиады» и показала, как суммарный прозаический латинский пересказ Дареса («О гибели Трои») приобрел специфические черты ирландской нарративной поэтики (в частности – использование приема «наблюдателя» в изображении персонажей). Ирландская версия «Одиссеи» («Блуждания Улисса»), как было показано в докладе, аналогичных параллелей не имеет: этот поздний памятник (XII–XIII вв.) напоминает скорее волшебную сказку, очень сильно отличается от текста Гомера и обязан своим происхождением, скорее всего, несохранившейся устной традиции. Последняя по определению не может быть зафиксирована, но учитывать фактор устного предания в процессе рецепции античного литературного наследия в ирландской традиции представляется совершенно необходимым.

Доклады *О.Л. Габелко*, *А. Чошкуна*, *Г.М. Казакевича*, *А.И. Фалилеева*, *С.А. Доманиной* и *А.Е. Барышникова* сопровождалась презентацией изобразительного материала. Все выступления вызвали значительное количество вопросов и подверглись обстоятельному обсуждению участниками и гостями конференции. По завершении работы секций состоялась активная дискуссия, в

ходе которой в целом удалось прийти к консенсусу относительно непродуктивности распространившихся в последнее время подходов «кельтоскептиков»; также в основном совпали мнения относительно плодотворности (в конечном итоге) взаимодействия кельтского мира и античной цивилизации в ее как эллинистической, так и римской составляющей.

Материалы конференции планируется опубликовать в выпуске ежегодника Института восточных культур и античности и Историко-филологического факультета РГГУ за 2014 год; помимо этого, планируется издание на их основе (в расширенном и дополненном виде) отдельного сборника, посвященного памяти выдающегося отечественного кельтолога Сергея Владимировича Шкунаева.

* * *

13–15 марта 2014 г. в Университете Уотерлу (Онтарио, Канада) была проведена международная конференция «Новейшие исследования древней Галатии (Центральная Турция) в эллинистический и римский периоды». Будучи значительно отдаленной от населенного греками Эгейского побережья, центральная часть Малой Азии привлекала меньшее внимание греческих и римских авторов, так что потребовалось значительное время для того, чтобы она стала объектом углубленного изучения со стороны антиковедов нового и новейшего времени. Качественные изменения произошли в 1990-х, когда в течение трех лет увидели свет три капитальных исследования комплекса самых разных проблем, связанных с историей Галатии⁵. Однако истекшие годы ознаменовались сотнями новых публикаций археологического, эпиграфического, нумизматического и лингвистического материала, несколькими десятками коллективных исследовательских проектов, в том числе продолжающихся и сейчас, а также появлением новых эмпирических и теоретических подходов к трактовке галатской идентичности в эллинистическом мире и в Римской империи⁶. Все эти явления и процессы, несомненно, требуют осмысления и интерпретации.

На открытии конференции с приветствием участникам выступили *Ш. Агер*, заведующая кафедрой классических исследований Университета Уотерлу, и организатор конференции *А. Чошкун*. В работе приняли участие исследователи из девяти стран: Австрии, Великобритании, Германии, Канады, Польши, России, Румынии, США, Турции.

Первый день конференции был посвящен рассмотрению проблем истории галатов и Галатии в эпоху эллинизма. *У. Бургхарт* (Мэриленд) представил доклад «Когда напали кельты: исследование влияния галатских царств на межго-

⁵ Mitchell 1993; Schwertheim, 1994; Strobel 1996.

⁶ См. обстоятельный обзор: Coşkun 2013.

сударственные отношения в эллинистической Малой Азии». Он отметил, что последствия кельтских миграций и расселения в Малой Азии для развития системы международных связей до сих пор изучены современной наукой далеко не полностью. Такие исследователи, как Карл Штробель и Стивен Митчелл, расширили наши представления о галатском обществе, однако это произошло отчасти за счет недостаточного осознания геополитического значения галатов и отведения им, в основном, роли наемников или, в лучшем случае, союзников эллинистических держав. Митчелл доказывает, что галаты могли быть легко удалены из Малой Азии, если бы окружающие царства стремились достичь этого, однако докладчик оспорил этот взгляд. У. Бургхарт признает, что мигрирующие галаты создали собственный этнополитический комплекс и общество в глубине Анатолии, но показывает, что этот факт не ослабил угрозу, исходящую от галатов их соседям. Кельтские миграции создали вакуум власти как в Греции, так и в Малой Азии, что позволило возвыситься Этолийской федерации, Македонии Антигонидов и пергамским Атталидам. Весьма характерное употребление докладчиком термина «галатские царства» не только подчеркивает множественность субъектов военно-политических отношений, связанных с галатами, но и их собственную значимость. Победы над галатами могли скорее подпитывать пропаганду, нежели иметь важное военно-политическое значение, однако роль этой пропаганды не следует преуменьшать: она помогла легитимации различных эллинистических держав, подданные которых опасались кельтов. У. Бургхарт попытался дать обзор существующих сегодня мнений о галатах, которые могут быть оценены как с точки зрения их культурных особенностей, так и в плане их влияния на межгосударственные отношения. В частности, он отметил, что, говоря о политических целях галатов, следует иметь в виду их преимущественное стремление к получению и накоплению богатств, а не к установлению господства над теми или иными территориями.

А. Думитру (Бухарест-Цинциннати) выступил с докладом «Галаты и селевкидская армия». Селевкиды вступили в контакты с галатами довольно рано, в самом начале установления своей роли как одной из ведущих держав эллинистического мира и вскоре после смерти основателя династии. Трудно оценить влияние кельтского вторжения на фракийские владения династии, приобретенные после битвы при Корупедионе (они были утеряны, когда Птолемей Керавн провозгласил себя царем). Однако не подлежит сомнению, что галаты расселились на окраинах империи, во Фракии и в Центральной Анатолии, и потому нетрудно понять, каким было их воздействие на малоазийские владения Селевкидов и на их союзников. Независимо от того, в какой мере мы можем доверять сообщениям о «Слоновой победе» Антиоха I, можно констатировать, что в дальнейшем отношения между Селевкидами и многими из галатов колебались в рамках «от любви до ненависти». Во втор. пол. III в. до н. э. галаты

были постоянно представлены в селевкидской армии как в ее лучшие, так и в наихудшие моменты. Галаты сражались против Селевкидов много раз, но они всегда находили пути и для того, чтобы встать в их ряды. Некий галат Апатурий был, возможно, приближенным Селевка III до того, как стать его убийцей; и галат Бриккон, сын Атевроста, умер в Маронее, когда, возможно, он сражался на стороне Селевкидов. Подразделения галатов присутствовали в составе селевкидских войск при Рафии, при Магнесии и на параде в Дафне. Особую важность приобретает вопрос о том, откуда осуществлялся набор этих воинов, – из Фракии, как это засвидетельствовано для эгосагов⁷, или же из Анатолии. Столь же актуальны проблемы, связанные с тем, как именно Селевкидам удавалось заручиться поддержкой галатов и как роль последних в качестве наемников проявлялась в селевкидской колонизации Малой Азии (что требует особого внимания к неоднозначному ономастическому материалу). Также дискуссионным, по мнению А. Думитру, является вопрос о соотношении между множественными этническими идентичностями и (псевдо?)этническими войсковыми соединениями в эллинистическом и римском мире.

К. Бошнаков (Торонто) обозначил тему своего выступления вполне в пост-модернистском ключе – «“Когнитивная карта” и “пространственная структура” кельтских вторжений в Восточное Средиземноморье (III–II вв. до н. э.)». Первое понятие используется метафорически для определения обработки и актуализации освоенной пространственной информации в действующей памяти. Оно подразумевает осознанное и мотивированное кодирование пространственной информации в виде серии индивидуально прочувствованных и коллективно отфильтрованных «суммарных репрезентаций» тех или иных географических областей, часто весьма обширных. «Когнитивная карта» включает в себя умение ориентироваться в пространстве в тот или иной конкретный момент (но не ограничивается им); она помогает в обнаружении путей сообщения между «закодированными объектами» особой важности в окружающем пространстве и решении проблем прокладки маршрута движения, передачи пространственной информации между индивидами и извлечения информации из внешних источников. «Когнитивная карта» тем самым может служить мощным средством для исторических мотиваций широкомасштабных и динамичных процессов. Последние включают в себя, например, миграции, вторжения и перемену этничности в новом окружении. Привлекая широко известные и многократно проанализированные письменные источники, исторические аналогии и новые археологические и эпиграфические свидетельства, К. Бошнаков преследовал

---

⁷ Интересно, что А. Думитру высказал (хотя и без подробной аргументации) мысль об идентичности галатов эгосагов с единожды упомянутыми Полибием ригосагами; эта же идея была в развернутом виде представлена в докладе автора этих строк (см. далее).

цель реконструировать как сегменты «когнитивной карты» кельтов на их пути в Галатию, так и исторический контекст их последующей деятельности в качестве наемников по обе стороны проливов. Привлекая некоторые особо показательные примеры, докладчик постарался выявить диалектику соотношения между смещающейся «когнитивной картой» кельтов, совершивших вторжение в новые для них регионы, которая укрепляла их уверенность в собственном этническом единстве, с одной стороны, и их повседневного агрессивного стиля жизни, который препятствовал их этнической интеграции во фрагментированное раннеэллинистическое окружение – с другой. К. Бошнаков уделил также внимание предыстории кельтских вторжений, определению возможных путей продвижения варварских орд на юг Балкан и созданию новых этнических идентичностей в ходе этих событий.

М. Адак (Анталья) выступил с публичной лекцией «Прочитывая ландшафт: археология окружающего пространства в Южной Анатолии» перед участниками конференции, студентами и сотрудниками Университета Уотерлу. После нескольких предварительных замечаний относительно особенностей сегодняшней ситуации, сложившейся в археологии Малой Азии, докладчик обратился к подробному рассказу об исследованиях, проводимых отделом древней истории университета Акдениз (Анталья) в юго-восточной Писидии. Эта гористая область, расположенная к северу от Памфилии и к югу от восточной Фригии, не привлекала особого внимания древних авторов. Она известна главным образом благодаря тому, что была пожалована Марком Антонием галатскому династу Аминте вскоре после битвы при Филиппах (42 г. до н. э.), хотя эту территорию еще только предстояло завоевать. Аминта позднее стал царем Галатии, однако он продолжал вести войну в южной Писидии и прилегающих районах гор Тавра. Он был убит в 26/25 г. до н. э. после поражения от гомонадов – писидийского племени, подчиненного впоследствии римским наместником Сульпицием Квирином. Традиционно это племя локализовали в округе современного Аксеки, но недавние исследования позволили отождествить это селение с писидийским полисом Титиассом. Соответственно, гомонады должны были обитать дальше к востоку. Так или иначе, Писидия вошла в систему римского провинциального управления при Августе и получила ветеранские колонии в 25 г. до н. э. или вскоре после того. Она оставалась частью *provincia Galatia* вплоть до начала правления Веспасиана, когда ее южные части были присоединены ко вновь учрежденной провинции Ликия/Памфилия (ок. 70/71 г. до н. э.). М. Адак также рассказал о новых археологических и эпиграфических открытиях, связанных с изучаемым им регионом.

О. Л. Габелко (Москва) в докладе «“Псевдогалаты” и “Псевдогалатия” в античных источниках» отметил, что названия, географическая локализация, происхождение и история многих кельтских племен (проживающих как в Ев-

ропе, так и в Азии) были неясными для греков и римлян на протяжении долгого времени, и этот факт породил многочисленные случаи противоречий и двусмысленности в текстах античных авторов. Докладчик рассмотрел четыре таких примера, связанных с этническими и географическими наименованиями кельтского происхождения, упомянутыми лишь однажды. Первый из них – это упоминание Γαλάται Ῥιγόσαυες в составе армии Антиоха III (*Polyb.* V, 53, 3); данное племя, по всей вероятности, должно быть отождествлено с галатами эгосагами из Фракии, несколько раз фигурирующими в той же книге «Всеобщей истории». Второй сюжет касается малопонятного галатского этнонима Τοσιώτοι в *Plut.* *Mor.* 259 а-с; как кажется, появление этого названия также связано с ошибкой в рукописной традиции. Третий случай связан с фразой Стефана Византийского о «галатском племени» Γαζῆται со ссылкой на халкидского поэта III в. до н. э. Эвфориона (s.v. Γάζα); сходные сведения приводятся и в некоторых других поздних источниках. Но наряду с тем фактом, что данные других авторов (и, прежде всего, Полибия) отрицают существование такого племени, сам контекст жизни и творчества Эвфориона позволяет трактовать гезатов как касту профессиональных кельтских воинов-наемников, связанных географически не только с Европой (как в пассажах из второй книги Полибия), но и с малой Азией. Наконец, О. Л. Габелко рассмотрел фрагменты произведения «Галатика», принадлежащего перу Эратосфена (Младшего) из Кирены (FGrHist 745 F 1–6), которые, по его мнению, имеют значительную ценность. Специальное внимание было привлечено им к упоминанию хоронима Κελτογαλατία (F 1), явно анахронистичного для II в. до н. э., и этнонима Διανεῖς (F 3).

Тема выступления Т. Нельсона (Оксфорд) была обозначена как «Идеология побед над галатами: сопоставительный подход». Докладчик показал, что эллинистические цари и города использовали весь набор аналогий и аллегорий в репрезентации и концептуализации своей борьбы с галатами – в литературе, искусстве и эпиграфике, начиная от исторических Греко-персидских войн и заканчивая гигантомахией. Т. Нельсон рассмотрел основные общие черты таких репрезентаций, проявляющиеся в «Гимне Делосу» Каллимаха, Пергамском алтаре и этолийских посвящениях 279/278 г. до н. э., выявляя также и существующие различия, которые часто оказываются результатом их специфического контекста и требований соответствующих жанров. Сравнение с афинской пропагандой V в. до н. э. позволяет пролить свет на отличительные особенности репрезентаций эллинистического времени, например, на средства, с помощью которых Птолеми изображали Селевкидов как «новых персов» в надписях и литературе. С учетом этого, докладчик задался вопросом, в какой мере селевкидская пропаганда могла соответствовать этой обширной системе идеологем. Хотя мы не располагаем собственно селевкидским рассказом о «Слоновой победе» Антиоха I, анализ версии событий, изложенной Лукианом

в «Зевксисе», позволяет предположить, что победа Антиоха была представлена с помощью ярко выраженного «ориентализирующего» мотива: использования экзотического «секретного оружия» для устрашения врага. Параллели, обнаруживаемые у Геродота, Ктесия и других авторов, дают понять, что победу Антиоха следует трактовать как последнюю в длинном ряду «восточных» побед, в результате чего селевкидский царь предстает законным наследником и преемником персидской изобретательности в военной сфере. Подобное имплицитное подтверждение преемственности с Ахеменидской империей может быть обнаружено в селевкидской пропаганде повсюду, и можно предположить, что обличение Селевкидов Птолемеями как «новых персов» в действительности было укоренено в саморепрезентации Селевкидов как царей Азии. Докладчик обратился также к трудноопределимым источникам Лукиана и к вопросу о правдоподобии его рассказа. Хотя прямая связь с эпической поэмой Симонида из Магнесии, к сожалению, кажется маловероятной, Т. Нельсон посчитал возможным заключить, что основные детали повествования были извлечены Лукианом из некоего проселевкидски ориентированного исторического сочинения, и потому они достаточно надежны для того, чтобы поддержать подобную реконструкцию селевкидской саморепрезентации. Таким образом, в то время как Птолеми, Атталиды и другие охотно изображали себя символами греческого миропорядка, цивилизации и гармонии, противостоящими чудовищным варварам-кельтам, победа Антиоха, как кажется, была представлена в более амбивалентном виде, не допускающем столь резкой дихотомии. Вместо этого, селевкидский царь был изображен как идеальное сочетание черт Востока и Запада, достойный преемник Александра Великого.

Б. Бартлетт (Уотерлу) выступил с докладом «Галлогреки, Гн. Манлий Вульсон и источники Ливия: примеры дегенерации». Он отметил, что в рассказе Ливия о кампании Гн. Манлия Вульсона против галатов консул ободряет своих воинов перед битвой с помощью речи, в которой он пренебрежительно характеризует врага как жалкое потомство их гораздо более грозных предков, против которых римляне уже давно привыкли сражаться. Консул даже убеждал своих солдат опасаться не противника, но азиатской *amoenitas*, представляющей собой *contagio disciplinae morisque* (Liv. XLVIII, 17, 18). Это предупреждение – парафраз с фрагментом, где Ливий подробно говорит об упадке *disciplina*, а затем и *mores (prae. 9)*; тем самым это предостережение предвещает результат действий Манлия Вульсона и его победоносной армии, который, несмотря на предупреждения консула, привнес в Рим ту самую порочную *luxuria*, в которой раньше обвинялись галаты. И все же, хотя повествование Ливия в целом следует именно этой традиции, в его тексте присутствуют многочисленные свидетельства проявления традиции, благоприятной по отношению к Манлию. Эта традиция очевидна не только в рассказе о маршруте войска консула в

Азии, но также и в речах самого Вульсона и, что более важно, его оппонентов. Б. Бартлетт рассмотрел отношение Ливия к так называемым галлогрекам⁸ в риторике Манлия Вульсона и его противников в сенате и тем самым выявил непримиримые противоречия в рассказе Ливия о карьере консула, чей триумф был отмечен *luxuriae peregrinae origo* (XXXIX, 6, 7).

Э. Косметату (Цинциннати) в представленном докладе «Евнух Филетер: Галатобойца и пергамский отец-основатель» обратилась к анализу широко известной делосской надписи IG XI (2) 1105. Это полностью сохранившийся текст эпиграммы, вырезанной на базе большого монумента, воздвигнутого в честь некоего Филетера, который прославляется за блестящие победы над галатами. Исследователи отождествляли его либо с династом Филетером, основателем династии Атталидов, либо с одноименным царевичем, третьим сыном царя Аттала I. Докладчица обосновала атрибуцию памятника пергамскому «отцу-основателю» и связала его с культурной экспансией Аттала I в греческом мире в конце III в. до н. э. в ходе Второй Македонской войны. Э. Косметату рассмотрела также взаимоотношения между Пергамом и галатскими племенами в пер. пол. III в. до н. э. Идентификация чествуемого лица с первым пергамским правителем может быть поддержана, с ее точки зрения, по целому ряду соображений. Прежде всего, палеография надписи с уверенностью позволяет отнести ее ко втор. пол. III в. до н. э., тогда как сама база статуи была расположена рядом с относительно скромным монументом, прославляющим громкие победы Аттала I над галатами. Сам Филетер характеризуется в надписи как *anax*, чьи деяния были прославлены скульпторами и поэтами. Свидетельства деятельности Аттала I на Делосе позволяют предположить, что база статуи была воздвигнута в то время, когда первый царь Пергама учредил почитание своего прапрадеда как основателя династии. Более того, рассмотрение свидетельств об активности галатов во время правления Филетера в Мисии указывает на то, что утверждение Аттала I, будто бы его предок одержал важные победы над галатами, явно преувеличено. Как и многие другие правители, Филетер предпочитал откупаться от галатов, уклоняясь от борьбы с ними. Его предполагаемые военные победы следует расценивать, таким образом, как часть пропагандистской деятельности Аттала I, проецирующей его собственные вполне реальные успехи в борьбе с галатами на Филетера. Это делалось с целью легитимации собственной недавно приобретенной царской власти Аттала и создания более авторитетной истории династии.

«Репрезентация галатских женщин царского статуса» – такова тема доклада Р. Уолша (Уотерлу). Автор рассмотрел описание Плутархом трех галатских

---

⁸ Употребление этого этнонима применительно к галатам пер. пол. II в. до н. э. явно анахронично и должно быть отнесено на счет особенностей стилистики Ливия.

цариц (Мор. 257e–258a): Хиомары, жены царя Ортиагонта, которая вернулась к мужу с отрезанной головой римского центуриона, изнасиловавшего ее; Каммы, отравившей себя и убийцу ее мужа; и Стратонику, которая предложила свою служанку Электру своему царственному мужу для продолжения рода. Все эти три образа описываются Плутархом с явной симпатией. Отказавшись от возникшей первоначально гипотезы о том, что эти женщины варварского происхождения рассматривались как своего рода модель для поведения эллинистических цариц, Р. Уолш подчеркнул, что, в сравнении с собственно царскими достоинствами, на первый план Плутарх выдвигает присущую этим женщинам *philandria*. Вместе с тем, с точки зрения докладчика, остается открытым вопрос о том, в какой мере эти женские образы выходят за границы, обусловленные гендерным фактором, из-за того, что мужские персонажи теряют возможности выполнять свои моральные обязанности и тем самым вынуждают женщин действовать в качестве их «заместителей».

Второй день конференции был посвящен рассмотрению различных аспектов истории римской Галатии. А. Чошкун (Уотерлу) выступил с докладом «Мистериальные аспекты императорского культа в Галатии». Им был проанализирован обширный комплекс греческих надписей из римской Малой Азии, в которых упоминаются *hiero-phantai* (< *hieros* = священный, *phainein* = выказывать, являть), жрецы, титул которых также известен в связи с Элевсинскими мистериями, и *sebasto-phantai* (< *Theos Sebastos* = *Deus Augustus*). Большая часть исследователей (особенно У. Рамсей, Л. Робер, А. Плекет и др.) на этом основании приходят к заключению, что культ римских императоров часто, если не всегда, оформлялся в виде мистериального культа, включавшего в себя тайные ритуалы и теологию, остающиеся неясными для нас. Другие ученые (например, Й. Штруббе) отвергают эту идею, считая, что политическая сущность культа требовала его публичного отправления и что *sebastophantai* имели примерно такие же функции, как и верховные жрецы (*archiereis*), то есть были организаторами общественных игр и празднеств. А. Чошкун предложил новую трактовку проблемы, привлекая главным образом материалы из Анкиры и Пессинунта⁹. Исходя из понимания пессинунтского святилища как храма Кибелы, он присоединился ко мнению Ф. Гарланда, который выявил частую связь *Theos Sebastos* с тайными религиозными сообществами в Эфесе. Однако в отличие от мнения этого исследователя, настаивающего на частном характере этих объединений, докладчик продемонстрировал, что свидетельства из Галатии приводят к противоположному выводу. В частности, было показано, что

⁹ Материалы по исследованиям в Пессинунте печатались и на страницах «Аристей»: Цецхладзе 2011.

наиболее эффективным путем распространения императорского культа было не строительство новых храмов, а постановка статуй императора в уже существующих святилищах, что превращало его в *synnaos theos*. Основываясь на эпиграфических свидетельствах, А. Чошкун показал, что императорский культ в Анкире был учрежден в 5 г. до н. э., главная культовая статуя была посвящена в 1 г. до н. э., а ответвление данного культа утвердилось в Пессинунте посредством отправки туда копии этой статуи в 8 г. н. э. – пока еще без мистических элементов. Последние появляются только тогда, когда культовая организация была внедрена в культ койнона при Нероне. Мистерияльные элементы, зафиксированные в императорском культе в Галатии, могут быть связаны, таким образом, с культом пессинунтской Кибелы.

К. Валльнер (Грац/Клагенфурт) подвел некоторые итоги своим многолетним исследованиям галатской эпиграфики в докладе «Надписи из округа Тавия». Он отметил, что полевые исследования проводятся в галатском городе Тавии и его округе начиная с 1997 г., а с 2009 они являются составной частью *Tavium International Research Project* (TIRP). В ходе этих работ под руководством К. Штробеля (Клагенфуртский университет) было обнаружено около 350 памятников, содержащих надписи, из которых большую часть составляют надгробия. Датируясь V и VI вв. н. э., почти все они демонстрируют одни и те же иконографические черты, равно как и сходные формуляры надписей. Помимо этой категории надписей, было обнаружено много мильных камней и несколько *tituli* императорского времени. В целом все эти надписи формируют намного более представительную источниковую базу для реконструкции истории Тавия в первые шесть веков нашей эры, нежели литературная традиция. Из данных эпиграфических текстов может быть извлечена информация относительно представителей галатской аристократии, дорожной системе, сложившейся вокруг Тавия, и о людях, живших на этой территории. Особого внимания исследователей заслуживают почетные надписи и надгробия, поскольку они содержат большое количество личных имен. Такая основа создает возможности для дальнейших исследований галатской идентичности и межкультурной антропониимии. В настоящее время ведется работа над публикацией надписей Тавия, которая должна стать в одном ряду с корпусом надписей Пессинунта, опубликованным в 2005 г. Й. Штруббе, и первым томом греческих и латинских надписей Анкары, изданным С. Митчеллом и Д. Френчем в 2012. Завершение этой работы значительно расширит наши знания об этом регионе Малой Азии. После общего обзора области Тавия и проводившихся здесь раскопок докладчик остановился на представлении и анализе некоторых надписей (как уже опубликованных, так и еще ожидающих публикации), обсуждение которых вызвало оживленную дискуссию.

Выступление В. Совы (Краков) было озаглавлено «Лингвистические и кросс-культурные отношения в Галатии и вокруг нее (III в. до н. э. – III в. н. э.)». Регионы центральной Анатолии издавна были местом встречи различных культур и языков, самым ярким примером чего является совместное обитание здесь хатти и хеттов во II тыс. до н. э. Но особенно интенсивными такие контакты стали после падения Хеттской империи и нескольких волн миграций с Балкан; различные этносы теперь вступали в тесные взаимоотношения, соперничая друг с другом, но при этом также заимствуя отдельные элементы культуры, примечательным примером чего стали фригийцы, занявшие прежние территории хеттов. Вполне сравнимые по характеру истории вторжений, создания и падения империй (лидийцы, мидийцы, персы, греки, галаты) могут быть прослежены и на дошедшем до нас лингвистическом материале. Докладчик предложил вниманию слушателей обсуждение нескольких проблем, связанных с культурно-лингвистическими взаимодействиями в Галатии и вокруг нее после переселения кельтов в Анатолию и знаменитой «Слоновой битвы». Исходя из предшествующей этнокультурной истории региона, который получил название Галатии, мы можем предполагать существование здесь фригийско-греко-кельтской культурно-лингвистической зоны. Фактически такая система отношений могла также оказывать влияние и на другие языки и культуры, даже локализуемые к востоку от Анатолии (например, на Армению). В. Сова в своем докладе собрал и суммировал фрагментарные свидетельства (включая греческие и фригийские эпиграфические документы, а также греческие литературные источники), позволяющие выявить такие контакты, пытаюсь проследить, когда это возможно, основные тенденции подобного обмена. Докладчик изложил свою аргументацию в хронологическом порядке, начиная от времени утверждения греческого койне, продолжив эпохой, в которой исчезли местные этнодиалекты, и заканчивая римским периодом, когда греческий становится основным языком во всей Малой Азии. Представленный В. Совой систематический обзор остатков галатского языка является четвертым по счету после исследований Л. Вайсбергера (1931), впервые собравшего и классифицировавшего материал, К.-Х. Шмидта (1994), создавшего морфологическую типологию свидетельств, и Ф. Фримена (2001), дополнившего обзор свидетельств ссылками на источники и историческим контекстом. Подход польского исследователя, однако, является первым, строящимся на выявлении межкультурных взаимодействий в широком историко-лингвистическом контексте, учитывающем роль древнеанатолийских языков (хеттского, лувийского), а также фригийского, греческого и латинского, каждый из которых оказывал влияние не только на кельтоязычное население Центральной Анатолии, но и на транслитерацию галатских имен в греческих и римских надписях. Он, в частности, показал, что название Виндии, поселения, «наследовавшего» фригийско-галат-

скому Гордиону в римское время, может быть трактовано и как анатолийское, и как кельтское.

Э. Лафли (Измир) в докладе «Новые исследования в округе Кулу и Ылгын в Галатии» рассказал об археологических исследованиях в провинции Конья, занимающей часть южной Галатии. Начавшись в XIX в. с отчетов европейских путешественников, они были продолжены обработкой эпиграфического материала, ведущейся в течение последних тридцати лет, а также полевыми исследованиями, проводимыми Х. Бахаром и Г. Карагузом (Университет Сельчук) в 1990-х и 2000-х гг. Им были представлены некоторые опубликованные и неопубликованные эпиграфические документы из Кулу в Галатии: почетная надпись из 11 строк, датируемая, вероятно, временем после 212 г. н. э. и содержащая имя «Аврелий», трудно читаемая надпись из 9 строк, погребальная эпитафия, упоминающая типичную добродетель *eunoia*, христианское надгробие V или VI в., воздвигнутое некоему Меннею его детьми и женой, а также рельеф с изображением трех нимф, обнаруженный в 2010 г. в деревне Февзие недалеко от Кулу. Во второй части доклада Э. Лафли охарактеризовал историческую географию Ылгына и его окрестностей в римское время и попытался связать некоторые эпиграфические данные с археологическими свидетельствами. Новые находки 2000-х гг., в большинстве пока еще не опубликованные, предоставляют ценную информацию о топонимах и этнонимах этого региона, а также о социальных структурах Римской Галатии.

Ф. Джон (Киль) начал свой доклад ««Послание к галатам» и его контекст» с обращения к старому вопросу: кого именно следует понимать под «галатами» – адресатами послания? Были ли они именно потомками кельтов, поселившихся в районе Анкиры, или римлянами, греками и фригийцами, жившими в Атиохии возле Писидии, в южной части провинции Галатия? Склоняясь ко второй интерпретации, преимущественно исходя из лексикографических и биографических аргументов, он попытался определить получателей письма, обоснованно исключив из их числа как сторонников фригийских культов, так и адептов культа императора как главные «объекты» воздействия Павла. Также нет оснований говорить о наличии в Атиохии еврейской общины; скорее, речь может идти об иудейских миссионерах. В последующей дискуссии было указано, что вопрос об адресатах послания до сих пор не решен окончательно. Так, «южногалатская» гипотеза, сформулированная в английской науке и особенно активно разрабатывавшаяся У. Рамсеем, базировалась на предубеждении в отношении варваров-галатов и потому отрицала развитие городской жизни в Анкире до II в. до н. э. С другой стороны, в «северогалатской» версии, преобладавшей в немецкой историографии (по крайней мере, до недавнего времени), делается акцент на попытках урбанизации Галатии, берущих начало уже при Августе. Исходя из этого, данные новейших археологических и эпиграфиче-

ских исследований, позволяющих более детально реконструировать историю Анкиры и Пессинунта, должны непременно учитываться при рассмотрении вопроса об адресатах «Послания к галатам».

В выступлении *А. Бланко Переса* (Оксфорд) «*Τεκμορευειν и фригийский субстрат в римской Галатии периода поздней империи» также были затронуты вопросы религии, исторической географии, административной организации и социальной структуры римской Малой Азии. Римская провинция Галатия включала в своих юго-восточных пределах область Антиохии у Писидии и прилегающие территории до начала IV в. до н. э. До назначения Антиохии *caput provinciae Pisidiae* эти земли были известны тем, что в эллинистический период они были тесно связаны со святилищем Мена Аскаена, а позднее, после смерти галатского царя Аминты, здесь была основана важная римская колония. Только в этой динамично развивающейся и комплексной в этнографическом плане пограничной зоне было обнаружено появление непереводаемого слова *τεκμορευειν и производных от него. Недавние исследования религиозной жизни региона, проведенные Ж. Лабарром (2009), позволили предположить, что корнем этого слова является также не поддающаяся переводу старофригийская форма *tekmor*. Докладчик поставил своей целью детально рассмотреть два специфических контекста, в которых отмечено понятие *τεκμορευειν. Первая группа надписей касается значительного числа почитателей Мена Аскаеноса, о которых сообщается, что они совершили это действие до того, как посвятили эти надписи в храме бога. Второе засвидетельствование этого слова обнаружено в списке сельской культовой ассоциации, члены которой называли себя *Xenoi Tekmoreoi*. Рассмотрение этих свидетельств позволило выявить как их значительное сходство (в частности, в хронологии – период между сер. II и III в. н. э.), так и принципиальную разницу в самой природе культа, с которым эти действия, как кажется, были связаны. А. Бланко Перес также постарался определить, в какой мере предполагаемое фригийское происхождение термина *τεκμορευειν может быть укоренено в присутствии тех или иных туземных этнических элементов, предшествующих появлению на границе провинции римских колонистов.

Все доклады сопровождалось содержательными презентациями. По единодушному мнению организаторов и участников, конференция с очевидностью достигла успеха в демонстрации разнообразия современных исследовательских подходов, применяемых к истории Галатии на протяжении от раннеэллинистического до ранневизантийского периода. Существенный прогресс, достигнутый в последние годы в этой сфере, объясняется прежде всего проведением важных археологических раскопок (хотя, к сожалению, работы в Гордионе, Анкире и Гермии не были освещены на конференции), расширением масштабов (в Тавии и провинции Конья), публикацией эпиграфических

и нумизматических корпусов (или подготовкой их к печати), а также – и, возможно, в наибольшей степени – новыми попытками концептуального представления того, кем были галаты и как они взаимодействовали в политическом, социальном и культурном планах со своим разнородным окружением. Кроме того, доклады и их обсуждение наглядно показали, что рассмотрение более широких контекстов – как эллинистического, так и римского – не только способствует адекватной интерпретации все еще отрывочных и разрозненных свидетельств, но и показывает, каким образом собственно галатские элементы влияли на появление и развитие новых феноменов – например, установление, легитимацию и обновление императорского культа. Работа над подготовкой к публикации материалов конференции в течение двух ближайших лет уже ведется.

Если попробовать сопоставить два проведенных мероприятия, то окажется вполне естественным, что у них прослеживаются и сходства, и различия, в некоторой степени отражающие своеобразие путей, по которым идет развитие западной и отечественной науки о древностях. Первые проявляются, прежде всего, в широте исследуемой проблематики и комплексном подходе к источникам разных категорий. Безусловно, западные коллеги имеют больше возможностей для реализации своих *Galatian studies* – прежде всего, за счет возможности проведения археологических исследований тех или иных археологических памятников, связанных как с Галатией, так и с другими регионами проживания древних кельтов, чего российские исследователи практически лишены. Тем не менее, попытки компенсировать все еще наличествующую нехватку источников (прежде всего, письменных) за счет применения к тем или иным сюжетам истории древних кельтов новаторских методологических подходов постмодернистского толка (примером чего, на мой взгляд, могут служить выступления Т. Нельсона и особенно К. Бошнакова на конференции в Уотерлу) кажутся малопродуктивными (хотя, по-видимому, сторонников «экстремистского» кельтоскептицизма среди участников обеих конференций не обнаруживается). Так или иначе, представляется вполне оправданным ожидание дальнейшего прогресса в изучении истории древних кельтов и их взаимоотношений с античной цивилизацией¹⁰.

---

¹⁰ Думается, новый импульс изучение истории Галатии получит после недавно анонсированного выхода в свет в 2015 г. (долгожданного!) второго тома монографии Карла Штробеля.

ЛИТЕРАТУРА

- Фаллиев* 2012: [Рец.]: Celtic from the West: Alternative Perspectives from Archaeology, Genetics, Language, and Literature / Ed. by B.W. Cunliffe, J.T. Koch. Celtic Studies Publications 15. Oxford–Oakville (CT): Oxbow Books, 2010. VII, 384 p. // ВДИ. 3. С. 171–175.
- Цецхладзе Г.Р.* 2011: Пессинунт: город-храм Великой богини Матери Кибелы // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. III. С. 65–77.
- Campbell D.R.J.* 2009: The So-called Galatae, Celts and Gauls in the Early Hellenistic Balkans and the Attack on Delphi in 280–279 BC. Leicester.
- Coşkun A.* 2013: Von ‚Anatolia‘ bis ‚Inscriptions of Ankara‘: Zwanzig Jahre Forschungen zum antiken Galatien (1993–2012) // *Anatolica*. Vol. 39. S. 69–95.
- Džino D.* 2007 (2008): The Celts in Illyricum – Whoever they May Be: the Hybridization and Construction of Identities in South-Eastern Europe in the Fourth and Third Centuries BC // *Opuscula archaeologica*. 31. P. 49–68.
- Mitchell S.* 1993: *Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor*. Vol. I–II. Oxford.
- Rodway S.* 2010: Celtic – Definitions, Problems and Controversies // In Search of Celtic Tyllis in Thrace (III C. BC). Proceedings of the Interdisciplinary Colloquium arranged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University held at the National Archaeological Institute and Museum Sofia, 8 May 2010 / Ed. by L. Vagalinski and S. Rodway. Sofia. P. 9–32.
- Schwertheim E. (Hrsg.)* 1994: *Forschungen in Galatien 1994: Asia Minor Studien*. Bd. XII. Bonn.
- Strobel K.* 1996: *Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien*. Bd. 1. Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie der hellenistischen und römischen Kleinasien I. Berlin.

